

УДК 94(470.6)

UDC 94(470.6)

**СЕВЕРНЫЙ КАВКАЗ В 1921 Г.: ОТ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ К НЭПУ**

**NORTH CAUCASUS IN 1921 Y.: FROM THE CIVIL
WAR TO THE NEP**

Семенов Александр Альбертович
д.и.н., профессор

Semenov Aleksandr Albertovich
Dr.Sci.Hist., professor.

*Армавирский механико-технологический
институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Кубанский
государственный технологический университет»,
Армавир, Россия*

*Armavir Institute of Mechanics and Technology
(branch) of FSBEU HPE Kuban State Technological
University, Armavir, Russia*

Данная статья посвящена одному из самых сложных периодов в отечественной истории – времени окончания гражданской войны и переходу большевистского руководства от политики военного коммунизма к НЭПу. Исследуя связанные с этим проблемы общественной жизни, автор анализирует происходящие в данный период политические, социальные и экономические перемены в контексте российской провинциальной действительности

The given article is devoted to one of the most complicated periods in the Russian history - the time of the end of the civil war and the transition of Bolshevik leaders from the policy of war communism to the NEP. Exploring the related issues of public life, the author analyzes political, social and economic changes that were developing during this period in the context of Russian provincial reality

Ключевые слова: ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА, НЭП, ПРОДРАЗВЕРСТКА, ПРОДНАЛОГ, ПЕРЕДЕЛ ЗЕМЛИ, СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ, КРЕСТЬЯНСТВО, КАЗАКИ, ГОРЦЫ

Keywords: CIVIL WAR, NEP, SURPLUS-APPROPRIATION SYSTEM, PRODNALOG, REDISTRIBUTION OF LAND, SOVIET POWER, PEASANTRY, COSSACKS, MOUNTAINEERS

К периоду окончания гражданской войны значительно обострились отношения новой большевистской власти и крестьянства, составляющего подавляющее большинство населения страны. К весне 1921 г. положение в различных частях страны стало критическим и позиции советской власти пошатнулись, доверие к ней населения страны достигло самой низшей точки. Причем дело было не в оппозиции по отношению к ней имущих классов, с сопротивлением которых большевистской власти, в целом, удалось справиться. Новая угроза была значительно более серьезной. Политика военного коммунизма настроила против себя практически все слои российского общества. Население, в особенности крестьянство, больше не видело в Советской власти свою защитницу и союзницу и заняло по отношению к ней откровенно враждебную позицию.

В данный период, несмотря на то, что основная стадия гражданской войны в стране уже закончилась, перед новой властью возникал призрак

объединения недовольных крестьянских масс с ее бывшими военно-политическими противниками и создания широкого антибольшевистского фронта, способного низвергнуть существующий политический режим. Действительно, обстановка на местах постоянно ухудшалась. В российской провинции кризис военного коммунизма был виден еще более четко, чем в центральных регионах России, и все чаще обстоятельства, связанные с ним, вызывали беспокойство местных властей. На этом фоне не стал исключением и регион Северного Кавказа. В нем обстановка была еще более сложной, чем в других российских областях, учитывая, что долгое время он был базой военно-политических противников большевистской власти, и здесь во многом сохраняли свое влияние те социальные слои, которые были оппозиционно настроены по отношению к ней.

Как показывала ситуация, важнейшим вопросом в это время был продовольственный вопрос, от решения которого напрямую зависело положение существующей власти. Так, в Протоколах 2-го Грозненского Отдельского съезда Советов, заседания которого проходили с 25 февраля по 2 марта 1921 г., в докладе руководителя продотдела т. Полетаева отмечалось: «Из прений по указанному докладу выяснилось, что съезд сознает, что от положения нашего продовольственного вопроса зависела победа над врагами, так и теперь победа на хозяйственном фронте всецело зависит от наших продовольственных ресурсов» [1]. В решении этого вопроса руководство на местах было поставлено в крайне сложное положение. С одной стороны, местные руководители должны были обеспечить проведение политики центральной власти и неукоснительное исполнение ее директив, с другой – они должны были учитывать настроения местного населения, поддержка которого была для них чрезвычайно важна. Исходя из этого, они должны были добиться от населения исполнения принятых декретов, особенно в отношении

продовольствия, и не потерять окончательно его поддержку или, по крайней мере, сохранить лояльный, благожелательный нейтралитет с его стороны. Предполагалось, что в этом поможет проведение на местах широкой разъяснительной кампании, призванной склонить население на свою сторону. Поэтому в материалах съезда подчеркивалось, что необходимо «нормальное и осторожное проведение в жизнь декретов центра. Казачество должно уяснить себе всю продовольственную политику» [2].

Таким образом, предполагалось сочетать решительные меры в осуществлении правительственных планов продразверстки и всемерное разъяснение ее характера и целей местному населению и в особенности казачеству. Положение осложнялось тем, что ответственные за проведение продразверстки представители Советской власти на местах нередко действовали силовыми, противозаконными методами, требовалось периодически контролировать их работу и в случае необходимости наказывать тех, кто прибегал к особо крайним мерам. В соответствии с этим «съезд, заслушав доклад тов. Полетаева о работе Окпродкома, констатируя, что выполнение объявленных государственных разверсток идет слабо, сознавая, что выполнение их в полной мере есть одна из наиболее важных государственных задач крестьянства и трудового казачества, заявляет, что им будут приняты самые решительные и энергичные меры к выполнению разверстки. Для чего обязывает каждого члена съезда провести самую широкую агитацию среди казачества о значении и смысле продразверсток, оказывая на месте при практической работе самую широкую помощь агентам Окпродкома. Одновременно, обращая внимание на недопустимые иногда и неправильные действия уполномоченных агентов по проведению разверсток на местах, предлагает Окпродкому принять решительные меры к устранению таких явлений.

Выяснив вместе с тем случаи, имевшие до сих пор для привлечения виновных к ответственности» [3].

Политика продразверстки вызвала многочисленные восстания и недовольство крестьян по всей России, на этом фоне регион Северного Кавказа отличался в сторону большей оппозиционности по отношению к центральной власти и собственной общественно-политической спецификой. А.А.Семенов обращал внимание на то, что «ускорение процесса социалистической модернизации, осуществляемое волевыми административными методами местными органами, форсированная реализация установок центрального правительства... приводило не только к формированию необходимого социокультурного, политического фона преобразований, но и одновременно вело к дальнейшему общественному и социальному расколу северокавказского социума, переходу гражданского противостояния в регионе в скрытую, латентную форму, имеющую локальный, региональный характер. Оно также обуславливало активизацию политических и социальных сил, враждебной политической линии, проводимой новой властью, обретение ими социальной и политической опоры в основной массе регионального населения, недовольного ускоренными темпами проведения социалистических преобразований, осуществляемых новой властью» [4]. В сложившихся условиях проведение новой экономической политики как для центральной, так и для местной Советской власти стало вопросом собственного политического выживания. В регионе Северного Кавказа ее продолжение было, что называется, смерти подобным. Это угрожало не только многочисленными восстаниями, но и созданием широкого антибольшевистского фронта, в который могли войти представители казачества, крестьянства, горцев и политических противников нового режима. Как отмечали А.А.Семенов и С.А.Щербинин в научном исследовании «Власть и население Северного Кавказа в период

гражданской войны и НЭПа (1917-1925)», «соединение непримиримых противников новой власти с представителями широких слоев северокавказского социума, их совместные действия представляли существенную угрозу проводимым в регионе социалистическим преобразованиям и самому существованию советской власти» [5].

Все это делало положение большевистских властей на Северном Кавказе очень шатким и находящимся под постоянной угрозой. В этих условиях местные власти с облегчением восприняли предпринятую центральными властями смену политического курса и введение продналога, а позже и реализацию новой экономической политики в крае. С.А.Федоренко, оценивая социально-политическую ситуацию 1920-х гг., в данной связи отмечает: «Характеризуя эволюцию внутривластного курса... следует отметить его импульсивность и глубокую внутреннюю противоречивость. В первую очередь это было связано с тем, что в повседневной практике 20-х годов реально существовали различные варианты возможных путей его практической реализации. Один из возможных – курс на смешанную экономику и свертывание репрессий [6].

Нет нужды говорить о том, что население в подавляющем своем большинстве приветствовало начало нового этапа внутренней политики большевистского руководства. Так, в Обследовании Каневского волкома и комячейки отмечалось, что «НЭП был встречен восторженно всеми...» [7]. Однако продолжалось это недолго. От полного и восторженного принятия изменений в политической линии большевистской власти вскоре осталось очень немного. Вскоре после того, как крестьянство и казачество столкнулись с многочисленными налогами, которые пришли на смену продразверстке, настроения населения ухудшились. Мало того, что налогов было введено большое количество, они собирались в разное время, часто неудобное для сельских жителей, и как дамоклов меч висели над головой и казака, и крестьянина. Особое недовольство населения

вызывали задержки с переделом земли, которые происходили как по объективным, так и по субъективным причинам. Нередко передел земли задерживался по причинам местного политического порядка и по отсутствию необходимых для этой процедуры квалифицированных кадров. Все это дополнительно вызывало недовольство населения. Так, в отчете по обследованию волкома и ячейки станицы Ново-Минской отмечалось, что «разновидность налогов, взыскиваемых в разные сроки, возбуждает население против Соввласти. Задержка в переделе земли несет за собой ропот беднячества. До сего времени передела земли не было, точно так, как нет и землеустроительных комиссий, работу ведет один землемер» [8].

На Северном Кавказе продолжились вооруженные выступления. Налоговое бремя, размеры продналога вызывали резкое неприятие практически всех слоев населения. Опять стали отмечаться частые случаи нападения на красноармейские части, происходили убийства членов продотрядов, местных партийных и советских руководителей. Особенно часто они происходили в горских областях. «Сейчас же положение таково: в селе Катыр-Юрт убит Председатель продналоговой выездной сессии Трибунала, инспектор продналога и три или четыре красноармейца. Гороблпартком в большинстве, и я с этим согласен, рассматривает это событие как последствия головоутиств Чекистского отряда и ряда отдельных безответственных советских работников на местах в Чечне и как некоторую демонстрацию панисламистских контрреволюционных групп, использующих трудности и ошибки продналога против Советской власти» [9].

В местах проживания славянского населения замена продразверстки продналогом и введение новой экономической политики в крае из достаточно высокого налогового бремени привело к усилению коллективной спайки сельской общины. Она еще больше усилилась в противостоянии внешнему миру. Представители различных социальных

слоев, образующих общину, стали поддерживать друг друга в противостоянии власти и внешнему воздействию. Появились различные формы кооперации и взаимодействия ее членов, как в экономической, так и в социальной плоскости. Так, в Отчете по обследованию волкома и ячейки станицы Ново-Минской отмечалось, что «НЭП не расслоил население. Налоговая политика задела и бедняков, сплошь и рядом уплативших налог с пеней. На почве обложения налогами беднячество приблизилось даже к кулачеству, ища в нем поддержки в трудные минуты платежей» [10]. Казачья и крестьянская сельская община все больше спланивались в экономическом, хозяйственном отношении. Вместо противопоставления имущих односельчан неимущим, на которое так рассчитывала большевистская власть, напротив, наметилось единство сельского мира, основанного на поддержке малоимущих и взаимной выручке.

В трудные моменты выплаты очередных налогов и повинностей представители беднейшего сословия обращались к зажиточным односельчанам за помощью и, как правило, всегда получали ее в той или иной форме. Недовольству населения края в первые годы НЭПа способствовали и действия руководителей на местах, и те ошибки, которые они допускали в процессе реализации поставленных партийным руководством целей. Так, обследование Каневского волкома и комячейки показывало, что «масса налогов, свалившихся на бедняков и заставившая их за отсутствием денег уплатить пеню, вследствие несвоевременной выплаты налогов, повела к сближению с кулаками, в трудную минуту кулак выручал. Передел земли несколько успокоил беднячество, хотя и были допущены неправильности...» [11].

Таким образом, введение НЭПа стало следствием фундаментальных противоречий реальной большевистской политики, проводимой на местах, и декларируемых новой властью политических и идеологических целей и

ценностей. В сложившейся в первые годы Советской власти политической обстановке их реализация была практически невозможной. Она привела к отторжению данной политической линии подавляющим большинством населения страны и в конечном итоге могла привести к падению большевизма. Карательные меры, репрессии, продразверстка вызвали восстания по всей территории России, авторитет власти и ее поддержка населением упали до самого низкого уровня. В общей картине политических потрясений, народных восстаний и малой гражданской войны не стал исключением и регион Северного Кавказа. В силу своей исторической специфики данный регион занимал особое место в антибольшевистском противостоянии. Долгое время он был базой сил Белого движения и играл ключевую роль в гражданском вооруженном конфликте. Вместе с тем с его завершением население, уставшее от военных действий, встретило Красную армию вполне благожелательно. Однако по мере распространения методов реализации большевистских идеологических установок на практике, введение продразверстки, репрессии и т.д., всего того, что уже переживала большая часть населения России, отношение к советской власти стало кардинальным образом меняться. Действительно, регион Северного Кавказа в силу своей специфики долгое время не был знаком с методами и практикой большевистского управления, в то время как на остальной территории России они были уже давно в ходу. Тем сильнее стало разочарование местного населения в большевистской власти, в особенности это относилось к казачеству, хотя вскоре и крестьянство, и горские сообщества напрямую столкнулись с ними. Их проведение в жизнь оттолкнуло от себя основные слои регионального населения.

Крестьянство, казачество и горцы Северного Кавказа резко и самыми различными способами выступали против большевистской власти и присылаемых ею в деревню продотрядов. Они саботировали сбор хлеба и

противостояли продотрядам. Местные власти были вынуждены использовать против них целые воинские подразделения. Правда на них в ряде случаев также было весьма мало надежды, нередко они поддерживали восставшее население и были не вполне лояльны местным большевистским лидерам. Их надежность местным большевистским руководством нередко ставилась под вопрос. Оно вполне осознавало шаткость своего положения в крае и, как могло, противостояло росту народного недовольства, однако в сложившейся ситуации его возможности были очень ограничены. Повсюду в крае действовали повстанческие отряды, банды и разнообразные вооруженные формирования. Значительные территории охватывали народные волнения и восстания горцев и казачества. В этих условиях отмена продразвёрстки и введение НЭПа стало настоящим спасением для местных советских властей, которым с большим трудом удавалось удерживать ситуацию под контролем. Введение НЭПа на какой-то момент сбило накал народного недовольства и послужило основой для примирения власти и крупнейших социальных групп региона.

Однако введение НЭПа, несмотря на то, что это было важным шагом в направлении отхода от заскорузлых идеологических догм, не могло решить всех проблем взаимоотношений местного населения и большевистской власти. Эта мера смогла погасить народное недовольство, но не устранить имеющие противоречия полностью, она просто вывела их на новый уровень своего развития. Конечно, положение подавляющего большинства населения улучшилось, но вместе с тем оно также столкнулось с новыми проблемами. Сам по себе продналог не мог быть панацеей, к тому же он не был единственным. Главной из них стало введение большого количества разнообразных налогов, чаще всего выплачивать их предстояло в очень неудобное для сельских тружеников

время. Кроме того, осуществлялось неправильное с точки зрения населения наделение земель и т.д.

На этой почве стало наблюдаться никак не ожидаемое большевистскими властями сближение беднейшего населения и его зажиточной части, которая нередко оказывало ему помощь в выплате все новых и новых налогов. Объективно это обстоятельство способствовало усилению роли крестьянской и казачьей общины, сплочению населения перед лицом новых вызовов и угроз, а кроме того выходу противостояния населения и власти на новый уровень, менее драматичный и кровавый, но не менее сложный и проходящий в экономической плоскости. Все это стало подспудным следствием НЭПа, причем таким, какого большевистская власть не могла предвидеть и предугадать.

В сложившейся общественно-политической ситуации большевистской власти требовалось найти новые подходы и формы взаимодействия с местным населением, имеющие компромиссную основу, отойти от политической практики времен гражданского противостояния и создать условия, необходимые для дальнейшего социально-экономического развития региона и преодоления в нем многочисленных разделительных линий, состояния общественного раскола. Только такая стабилизация давала возможность для заключения своего рода «пакта о ненападении» между народом и властью и создавала возможность для перехода к мирному сосуществованию новой государственной системы и широких масс населения края.

Литература

1. РГАСПИ. Ф. 64.Оп.1. Д.256. Л. 4.
2. РГАСПИ. Ф. 64.Оп.1. Д.256. Л. 4.
3. РГАСПИ. Ф. 64.Оп.1. Д.256. Л. 4.
4. Семенов А.А., Щербинин С.А. Власть и население Северного Кавказа в период гражданской войны и НЭПа (1917-1925). Монография. Славянск-на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2008. С.86.

5. Семенов А.А., Щербинин С.А. Власть и население Северного Кавказа в период гражданской войны и НЭПа (1917-1925). Монография. Славянск -на-Кубани: Издательский центр СГПИ, 2008. С.98.
6. Федоренко С.А. К вопросу о трансформации советской уголовной политики в условиях перехода к форсированному строительству социализма (1926-1928 гг.)// Современная научная мысль. М., №4. 2013. С.127-137, С.127.
7. РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д.96. Л.136.
8. РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д.96. Л.147.
9. РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д.61. Л.1 об.
10. РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д.96. Л.147.
11. РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д.96. Л.136.

References

1. RGASPI. F. 64.Op.1. D.256. L. 4.
2. RGASPI. F. 64.Op.1. D.256. L. 4.
3. RGASPI. F. 64.Op.1. D.256. L. 4.
4. Semenov A.A., Shherbinin S.A. Vlast' i naselenie Severnogo Kavkaza v period grazhdanskoj vojny i NJePa (1917-1925). Monografija. Slavjansk-na-Kubani: Izdatel'skij centr SGPI, 2008. S.86.
5. Semenov A.A., Shherbinin S.A. Vlast' i naselenie Severnogo Kavkaza v period grazhdanskoj vojny i NJePa (1917-1925). Monografija. Slavjansk -na-Kubani: Izdatel'skij centr SGPI, 2008. S.98.
6. Fedorenko S.A. K voprosu o transformacii sovetskoj ugolovnoj politiki v uslovijah perehoda k forsirovannomu stroitel'stvu socializma (1926-1928 gg.)// Sovremennaja nauchnaja mysl'. M., №4. 2013. S.127-137, S.127.
7. RGASPI. F. 64. Op. 1. D.96. L.136.
8. RGASPI. F. 64. Op. 1. D.96. L.147.
9. RGASPI. F. 65. Op. 1. D.61. L.1 ob.
10. RGASPI. F. 64. Op. 1. D.96. L.147.
11. RGASPI. F. 64. Op. 1. D.96. L.136.